

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
МОРАЛЬНОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ДУХА СОЛДАТ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по документам Госархива Самарской области)

Первая мировая война, как это не парадоксально, остается до настоящего времени малоизученным периодом в самарском краеведении*. В то же время в Государственном архиве Самарской области хранится достаточно большой пласт архивных документов, посвященных этой тематике.

Особенно интересными, на наш взгляд, являются письма с фронта, содержащиеся в фонде Самарского губернского жандармского управления. Этот вид источника — солдатские письма, показывает войну глазами непосредственных участников боевых действий. Солдаты и офицеры младшего и среднего звена, участвовавшие в военных действиях, находились в непосредственном контакте с противником, что существенно влияло на их отношение к войне.

Письма с фронта отражают мировоззрение и политические взгляды конкретного лица. Факты и военные события в них рассматриваются на индивидуальном уровне их участников, ведь человек в письмах описывает именно те события, которые произвели на него наибольшие впечатления. Именно этот вид источника помогает воссоздать образ «живого» человека эпохи первой мировой войны, — «образ воина», позволяет раскрыть внутренние чувства, переживания; дает возможность восстановить картину военных событий и сделать их изучение живым.

Изучая письма с фронта, можно под иным углом зрения, отличным от официальных правительственных сводок, раскрыть такие проблемы как боевой дух солдат и их отношение к врагу, снабжение армии и условия жизни солдат.

Все письма с фронта проходили через военную цензуру, в г. Самаре — через военного цензора Казанского Военного округа. Задачами военного цензора были: просмотр писем и составление отчетов, цифровых ведомостей почтовой и телеграфной корреспонденции с театра военных действий о настроениях в армии. Выдержки и копии некоторых писем направлялись местной военно-цензурной комиссией в центр.

Военные всячески старались обойти цензуру, изыскивая способы отправки писем через случайных попутчиков до какого-либо города или железнодорожной станции. Чтобы письмо не задержала

военная цензура, солдаты, а также их родственники шли на невероятные ухищрения от придумывания специальных шрифтов, понятных только им до укрытия писем в орехах, вложенных в посылке.

В условиях войны определяющее значение имел моральный дух армии, формирование таких ценностей, как любовь к Родине, царю, патриотические чувства, убежденность в справедливом характере войны. Для победы над врагом народ должен быть убежден в своем превосходстве над противником.

При объявлении войны общий эмоциональный подъем всего русского населения был небывалый. Правительственная идеологическая пропаганда убедила народ, что новая кровопролитная борьба несхожа с прежними войнами, и что слово «немец» является символом насилия.

Общий патриотический подъем наблюдается и во фронтовых письмах, особенно в первые годы войны. «Моя жизнь обычна, как и каждого солдата, который предан своему милому и дорогому Отечеству и драгоценному нашему отцу всея Руси Николаю Александровичу. Вздумай, что может быть дороже всей жизни как защищать свою дорогую родину, и помочь нашим братьям, которые страдают под игом этого немецкого зверства. Молитесь Богу, чтобы он дал мне мужества, твердо стоять против этих тиранов, которые стремятся нас поработить; нет этого, не было и не будет, как была наша дорогая родина свободна так и будет, ляжем все костями и не поддадимся этой сволочи».¹

Еще один мотив, который звучал наряду с патриотическими чувствами — это обращение к Богу. Религиозность для дореволюционной России была традиционна. В письмах с фронта она ощущается постоянно в обращениях к Богу: «да спасет нас Бог», «да хранит нас Небесный владыка на многие времена». Даже для не очень верующих, молитва и обретение веры становилось естественным в военное время: «Знаете, до сих пор я плохо верил в существование Бога, но теперь верю Великую силу черпает дух воина в минуту смертельного боя, взглянув на крест, символ Того, Кто живот положил за други своя, за все человечество. В совершающемся вокруг него аду ярко блеснет мысль: Бог со мной».²

Главная тема писем, поступающих с фронта, — описание конкретных боевых действий и участие в них.

«Следующую ночь пришлось идти на позиции. И вот тут немцы забросали нас своей тяжелой артиллерией. В первый раз разрывы снарядов этой артиллерии производили на нас страшное моральное действие своим страшным треском, солдаты положительно не могли его выносить. Немцы нас выколачивали, как насекомых с даль-

них дистанций, а мы ничего с ними не могли сделать, потому что наши снаряды их не достигали. Тяжелое и кошмарное воспоминание, теперь от этого приходишь в дрожь, но потом привыкли и к этому. Теперь уже тяжелая артиллерия немцев такое действие не производит, мы привыкли, и у нас есть такая же закуска для них, почему они и действуют без прежней наглости». ³

Невольное сравнение своих боевых качеств с боевыми качествами соперника обнаруживается не в одном фронтовом письме, в характеристике которых встречаются очень часто выпады в адрес врага, по поводу «стойкости и боевого духа неприятеля». «Немцы, австрийцы - хитрые как лисицы, да собаки как трусливы; как начинаем мы все дружно штыками напирать, то они давай Бог ноги удирать». ⁴

Но наряду с этими высказываниями встречается и взвешенная оценка боевых качеств противника. «С германцами воевать трудно, теперь это видно каждому простому солдату, потому что у них все предусмотрено против нас. Ежедневно можно видеть массу германских аэропланов, строго предусматривающих все для осведомления своих войск. У них масса минометов и ручных бомб, которыми они нас засыпают. По ночам предусмотрительно освещается вся местность многочисленными прожекторами и светящимися ракетами, а у нас же последних почти совершенно нет. Преимуществует и его артиллерия, так как наша батарея даст выстрел, то от его огня не отвяжешься. Наше начальство даже и стрелять частенько запрещает. В обычной окопной жизни у них приспособлены грелки для приготовления чая и кофе, а нам никак нельзя показать дыма, потому что он изроет все окопы». ⁵

Нередко в солдатских письмах с восхищением говорится о немецкой технике - «эх, наши солдаты только завидуют ихней технике, как бы это было у нас, давно бы немцам был конец. Вот они себе построили такие машины, называются тэнги. Эту машину пули не берут, она величиной с паровоз на железной дороге, и на нем устроены пулеметы и орудие, его не задержит ни проволочное заграждение, ни окопы». ⁶

Жизнь русских солдат проходила в тех же условиях, что и жизнь неприятеля. Военная обстановка, постоянное напряжение, стрессы приводили к тому, что солдаты, особенно в православные праздники старались забыть о реальности и почувствовать некую общность с противником. В письмах нередко говорится о том, как русские либо немцы по праздникам ходили в гости друг к другу. «На первый день Св. Пасхи у нас тихо было, стрельбы никакой не было, ни наши не стреляли, ни германцы. Даже выходили вперед окопов, за

заграждение и здоровались с немцами, даже христосовались, и немцы нас угощали водкой, сигарами и папиросами, а мы их белым хлебом да яйцами». Но война есть война и русский солдат должен был помнить и в праздники о своих непосредственных задачах. «Наши все-таки не забыли, что надо использовать время и подробнейшим образом осмотрели их окопы и укрепления, заметив, где находятся их пулеметы и как лучше к ним пробраться, что для нас имеет большое значение». ⁷

Но постепенно в русской армии, наряду с желанием скорейшего мира, зреет озлобленность против врага — виновника военных действий. Естественно, в глазах наших воинов злым роком для России и виновником бед являлась в те годы Германия. «Били его без пощады, в плен не брали, а больше рубили. Они разбрелись по лесу, как бараны, глядишь, навстречу 2-3 германца, прячутся за дерево, одного ухлопаешь, а другому идешь навстречу со штыком, на перевес он начинает просить, целует руки, ноги, но ни на что на это не обращаешь, потому что они много принесли нам вреда, они как лютые звери. Око за око, зуб за зуб». ⁸

Человек на фронте не только воевал. Сражения сменялись периодами затишья. В это время солдат был занят другой работой, выполнение которой входило в его служебные обязанности. «Пригонять на отдых, а покою не дают, ни минуты покою. Ночью гоняют рыть окопы, а днем на занятия, а отдыхать некогда и негде». ⁹

Жизнь солдата происходила либо в землянке, либо в окопе. «Порой живешь в дымной халупе, а иногда и в помещицьем доме приходилось и на открытом воздухе». ¹⁰

Вопрос, который всегда на войне волновал солдата — это солдатский рацион. Когда едим? Что едим? Сколько дают еды? — постоянные темы солдатских разговоров. Исходя из писем, питание солдат было поставлено плохо. «Плохо кормят. Сахара нет, мыло то же самое нету, хлеба не хватает, приходится покупать за свои деньги. Кормят нас так: утром чай, у кого есть сахар, а нету — ешь с водой, в обед борщ давали, кашу, а теперь нет. Кое-когда варят кашу из кукурузы и той не хватает, и редко стали давать, а вечером суп из пшена. Вот мы тем и питаемся в настоящее время. Солдаты бунтуют на позиции, не хотят воевать с этой пищей». ¹¹ Как пишется в солдатских письмах, наши доблестные воины должны были «каждый день говеть».

Одна надежда у солдат на родственников. «Пожалуйста, посушите сухарей и пришлите фунтов 10, ради Бога, я вас прошу, пришлите, я бы поел последний раз нашего хлеба». ¹²

В многочисленных письмах выплывает другая вопиющая нужда армии — обмундирование. При отступлении все лишнее, а порой и необходимое оставлялось нашими солдатами. В письмах очень часто встречается выражение «мы голые». Обращение к начальству тщетно, как выражаются авторы писем, — «на казну надеяться нельзя, потому что там заводятся бесконечные переписки, а пока они тянутся, тут голый подохнешь. Да и вообще казенное добро слишком плохое в носке».¹³

Вот как описывает свое состояние один из бойцов: «Ты представь себе дорогая, еле двигающегося человека с землистым лицом и остекленевшими от безразличия глазами. Одет в грязную обгрызенную у подола шинель, один рукав полуоторван и в прореху виднеется что-то подобие рубахи «защитного цвета» — грязная, засаленная и вонючая. На ногах что-то подобие не то сапог, не то лаптей, на горбу вещевой мешок и винтовка на плече; идет, ноги мучительно ноют от холода и усталости, спина болит. В глазах какие-то зеленые круги, и только одна мучительная мысль сверлить мозг: «лечь, скорее упасть и так держать».¹⁴ И таких писем, поступивших с фронта, очень много содержится в фонде Самарского губернского жандармского управления «Одежда плохая — шинель ластиковая на легкой бумазейной подкладке, вся ползет. Каждый день починаю, легка, холодна, только от солнца холодок делать. Фуражка стара, растрепана, ворона на гнездо не возьмет, папах не дают. У сапог голенища, брезентовые тряпочные, уже порвались, и на солдата я не похож, как какое то чучело страшное».¹⁵ И опять приходится солдату писать в деревню, с просьбой прислать необходимую одежду. «Нам белья нужно: по одной паре носки, перчатки, штаны, рубахи и портянки, просим, пожалуйста, потому что мы, как нас пригнали на войну, и пошли мы большие версты пешком и побросали, и теперь ходим голые или прямо сказать рваны».¹⁶

Нередки в российской армии были вспышки инфекционных заболеваний. Данная проблема была связана с санитарно-гигиеническими условиями в армии. Солдаты долгое время пребывали в одних и тех же землянках, окопах и «соседями» людей были вши. «Эх, куманек, если бы вы взглянули какое у нас скотоводство в рубашках да в штанах, счету нет».¹⁷

В русской армии эпохи первой мировой войны санитарной обработки и дезинфекции не было, мылись в банях редко. «За три месяца были два раза в бане, вшей берешь горстью и бросаешь в снег. Умываться приходится раз в месяц, на отдыхе можно скидывать шинель, а в окопах нельзя разуваться и раздеваться, день и ночь, одевши патроны».¹⁸

На многих участках фронта в первую мировую войну свирепствовали и более грозные эпидемии: цинга, кишечные инфекции, такие как холера, дизентерия. «Я лежу, больной в окопе уже несколько дней, болезнь опасная называется «цингой», и у нас её очень многие заболевают».¹⁹ «В роте заболело животами несколько человек, оказалось, что болезнь – холера. На другой день заболело еще более, и так из роты больных оказалось 73 человека, некоторые из них померли. Теперь нас держат в окопах, где ежедневно льют карболку, и всем остальным сделали прививку».²⁰

Бич России во все времена, не исключая времен войн, – пьянство. Особое внимание в солдатских письмах уделялось употреблению алкогольных напитков, особенно офицерским составом. В то время как в тылу был введен сухой закон, запрещавший употребление горячительных напитков, в армии алкогольные напитки использовались для снятия стресса, психологического раскрепощения человека, особенно в бою. «Из русских полков ходили к немцам в гости, они их напоили пьяных, и они принесли их к нашим проволочным заграждениям и сказали: «Урись, бери своих товарищей, они пьяны».²¹ Употребление алкоголя было характерно не только для русской, но и для немецкой и австрийской армий. «Австрийцы все пьяные, встали на окопы и кричат: «Ура! Паны, паны, идите к нам». А наши звали их. Вообще было весельство. Вышли наши и ихни на средину между окопов наших и ихних, австрийцы целуют наших и говорят: «Зачем мы воюем?».²²

Когда стали обнаруживаться весьма серьезные неудачи в военных делах, патриотический дух народа стал постепенно падать. Тем более, что большинство солдат никак не могло понять, что за война свалилась на их головы, из-за чего они воюют, в чем причины, цели и самое главное смысл этой войны. Знали они точно одно: идет война с германцами. Поэтому в письмах нередко встречаются описания того, как, «матерые» бойцы объясняли молодым солдатам, кто такие немцы, как и зачем они воюют, передавали им накопленный в боях опыт.

В письмах последних лет войны солдаты, безадресно, задают вопросы: «Сколько крови пролито? Какие результаты достигнуты? Кто больше страдает в эту войну? При решении этих вопросов руки опускаются, и унынье заполняет душу»²³. И смысл жизни каждого солдата, особенно начиная с 1916 г., если судить по письмам, заключался только в одном единственном слове – мир.

Солдатские письма являются одним из наиболее интересных видов архивных документов. Даже эти фрагментарные данные, приведенные выше, позволяют взглянуть на период первой мировой войны

под определенным углом зрения - через ощущения людей и увидеть «живого» человека, брошенного в перипетии военной стихии, приоткрыть внутренний мир с его переживаниями, мыслями, эмоциями.

Примечания:

1. ГАСО, Ф. 468. Оп. 1. Д. 2226. Л. 54.
2. Там же. Л. 128 об.
3. Там же. Л. 41 об.
4. Там же. Л. 220.
5. Там же. Д. 2132. Л. 101.
6. Там же. Д. 2226. Л. 287 об.
7. Там же. Л. 84.
8. Там же. Д. 2132. Л. 83.
9. Там же. Д. 2226. Л. 55.
10. Там же. Д. 2132. Л. 48.
11. Там же. Л. 2226. Л. 267 об.
12. Там же. Д. 2132. Л. 49.
13. Там же. Д. 2132. Л. 15.
14. Там же. Д. 2132. Л. 78.
15. Там же. Д. 2226. Л. 67 об.
16. Там же. Л. 20.
17. Там же. Д. 2226. Л. 25 об.
18. Там же. Л. 60.
19. Там же. Л. 103.
20. Там же. Л. 205.
21. Там же. Д. 2132. Л. 85.
22. Там же. Л. 83.
23. Там же. Л. 255.

* Следует отметить, что самарские историки уже обращались к изучению этой темы. Из последних работ см., например: Кабытов П.С. Формирование антивоенных настроений в период Первой мировой войны // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны). Материалы межвузовской научной конференции. Самара, 2004. С.61-74. (Прим. ред.).